

Глава 17

В непроглядной тьме Фу Чэн одной рукой держал термос, а другой — палочки, которыми подцепил лапшу сяньмянь.

Внезапно до него донёлся знакомый, жизнерадостный голос. Сердце пропустило удар, и он замер на месте.

Фу Чэн медленно обернулся и поднял взгляд к маленькому окошку над головой.

Там, уцепившись руками за подоконник, показалась голова Линь Цзао. Он положил подбородок на выступ, моргнул и с любопытством уставился на него.

Уже наступил вечер.

В гараже горела лампа дневного света, и её резкий белый свет падал на Линь Цзао сверху и сзади, окутывая его фигуру сиянием, словно ангельским нимбом.

Фу Чэн засмотрелся, надолго застыв в изумлении, не зная, как реагировать.

Лишь холодное сердце в его груди забилось с бешеной силой.

Линь Цзао склонил голову набок, с улыбкой глядя на него. Глаза его изогнулись полумесяцами.

— Привет, Чэн-гэ!

Одна улыбка, одно слово.

Сердце Фу Чэна, только что колотившееся как сумасшедшее, внезапно замерло.

То взлетало, то падало, то билось, то останавливалось.

Настоящая пытка.

Но Линь Цзао так не считал.

Он считал, что проявляет заботу о Чэн-гэ!

Видя, что Фу Чэн не отвечает, он снова улыбнулся и продолжил:

— Чэн-гэ, ты думал, я ушёл?

— Неужели я такой бессердечный негодяй?

— Ты целый день ничего не ел, я же не мог просто так бросить тебя.

На самом деле, когда Линь Цзао обнаружил, что Фу Чэн не притронулся к лапше, он немного разозлился. Разозлился, что тот его не слушается, и что ему теперь придётся доедать остатки.

Но потом он подумал, что Фу Чэн может умереть с голоду, и беспокойство взяло верх.

Он никогда не ухаживал за зомби, не знал, что они едят, и выживет ли зомби, если проголодает целый день.

Поэтому он грозно произнёс свои слова, нарочито громко потопал ногами по скамейке, создавая шум уходящих шагов, а сам тихонько присел и спрятался.

Обхватив колени, Линь Цзао затаился под окном и стал считать про себя.

Он досчитал до ста.

Если Фу Чэн съест лапшу, значит, всё в порядке.

Если же так и не притронется, то...

То он заберёт лапшу наверх, съест сам, а Фу Чэну принесёт свежую еду.

В итоге Фу Чэн послушно поел, и Линь Цзао показался.

Он опёрся на подоконник, подперев щёки руками, и уверенно заявил:

— Чэн-гэ, я так и знал, что ты не позволишь мне доедать остатки.

— Вот поправлюсь завтра, и приготовлю тебе что-нибудь вкусненькое.

— Ну как?

Фу Чэн смотрел на его лицо, и его сердце, то замиравшее, то бешено колотившееся, наконец, обрело ровный ритм.

Он, с каменным лицом и стиснутыми зубами, издал из горла низкий гортанный звук, похожий на мурлыканье.

— Хорошо.

— Тогда я пошёл, и больше не злись.

— И если к тебе придут другие зомби, не ходи с ними гулять.

Линь Цзао сделал паузу, его глаза блеснули, и он, откашлявшись, широко раскрыл рот и завопил:

— А-а-а! А-а-а-а!

Он подражал Фу Чэну, прощаясь с ним на языке зомби.

— До завтра! Любимый муж!

Фу Чэн, глядя на его гримасы, не смог сдержать улыбки, растянув застывшие губы.

Очень мило, вот только...

Что означает это «ха-ха-хи-хи-хо-хо-бру-бру», которое сказал Сяо Цзао?

Непонятно.

Убедившись, что Фу Чэн поел, Линь Цзао со спокойной душой отправился наверх.

В последнее время он постоянно бегал с этажа на этаж.

По десять раз на дню, не меньше. Ноги от этого стали тоньше!

Вернувшись на второй этаж, он увидел Линь Сяобао, который сидел к нему спиной на своём маленьком стульчике. Перед ним на полу стоял мешок зелёного горошка в стручках и миска.

Линь Сяобао брал стручок, зажимал его в маленьких ручках, стискивал зубы и с силой надавливал.

Биу-биу-биу!

Горошины вылетали из стручка и с весёлым стуком падали в миску.

Как весело! Словно стреляешь из пистолета!

Когда папа пошёл вниз к большому папе, он спросил, не хочет ли он пойти с ним.

Хм...

Вообще-то, он хотел. Ведь он не видел большого папу уже несколько часов.

Но...

Он был слишком маленьким, и чтобы спуститься, ему нужна была помощь папы.

А папа болел, его нельзя было утруждать.

Поэтому он покачал головой и сказал, что останется наверху и будет ждать папу.

Папа не стал его уговаривать, пообещал вернуться через несколько минут и дал ему мешок горошка.

Линь Сяобао сжал кулачки и твёрдо решил.

Большой папа ведь никуда не денется.

Ему достаточно видеть его раз в день, и он уже будет счастлив.

В этот момент он услышал за спиной знакомые шаги.

Линь Сяобао радостно обернулся:

— Папа!

— Папа вернулся, — Линь Цзао подошёл, погладил его по голове и заглянул в миску. — Ого,

папы не было всего пять минут, а ты уже столько налуцил!

— Конечно! — Линь Сяобао гордо поднял голову. — Дай мне ещё немного времени, и я весь горошек перечищу!

— Но мы столько не съедим, — улыбнулся Линь Цзао. — Давай пока уберём, а когда понадобится, снова почистим.

— Хорошо.

Линь Сяобао поднял мешок с горошком, обнял его и завязал узел.

Завязывая, он случайно запер внутри воздух, и мешок надулся.

Тогда он принялся нажимать на него обеими руками, выпуская воздух.

Линь Цзао снял с крючка фартук, надел его, затем открыл холодильник и достал вяленую колбасу, свежие грибы, морковь и кукурузу.

Он разрезал початок пополам и протянул одну часть Линь Сяобао:

— Сяобао, сможешь папе отделить зёрна?

— Конечно! — тут же согласился Линь Сяобао.

— Складывай их вместе с горошком, потом всё равно мыть.

— Угу.

— А когда закончишь, сходи вниз к дедушке Чжану и скажи, что папа сегодня готовит плов на ужин, мы ему принесём, чтобы он сам не готовил.

— Хорошо!

Дедушка Чжан так хорошо к ним относился: и куриные ножки приносил, и лапшу, и от зомби их защищал.

Железные миски от его угощений уже скопились у них в доме.

Если они не ответят ему тем же, это будет просто невежливо.

Линь Сяобао послушно принялся за кукурузу, а закончив, спустился вниз.

Линь Цзао же встал у плиты и начал готовить.

Плов готовился просто и быстро.

Они с Сяобао уже ели его на Праздник фонарей.

Горошек и кукурузу он отделил от початков, колбасу нарезал тонкими ломтиками, а грибы и морковь — кубиками.

Сковороду разогрел, масла не добавлял — сразу бросил колбасу, чтобы вытопился жир.

Когда колбаса подрумянилась, добавил остальные овощи и продолжил обжаривать.

Когда овощи были почти готовы, всыпал рис.

Сырой рис, который он заранее замочил на полчаса.

Размякший и рассыпчатый, он сварится быстрее и не будет сырым.

Он откинул рис, добавил его в сковороду, посолил, влил соевый соус и всё хорошо перемешал.

Наконец, он переложил всё в рисоварку и нажал кнопку.

Готово!

В этот раз Линь Цзао приготовил плова в два раза больше обычного.

Не только потому, что нужно было угостить дедушку Чжана, но и потому, что...

Ему не хотелось готовить завтра утром!

Хе-хе!

Приготовить сразу большую кастрюлю, и на завтрак тоже хватит.

Через пятнадцать минут рисоварка пискнула дважды, оповещая о готовности.

Линь Цзао подождал ещё пять минут, чтобы пар вышел, и только потом открыл крышку.

Линь Сяобао, стоявший рядом с папой, глубоко вдохнул:

— Ого!

Линь Цзао взял ложку и, пока плов был горячим, быстро перемешал его, чтобы выпустить пар.

Если этого не сделать, пар сконденсируется, и рис внизу станет клейким.

Перемешав плов, Линь Цзао взял железную миску, в которой дедушка Чжан приносил куриные ножки, и наложил большую порцию.

— Пойдём, отнесём дедушке Чжану.

— Хорошо.

Миска была слишком горячей, и Линь Цзао не позволил Линь Сяобао её нести.

Линь Сяобао, гордо выпятив грудь, шагал впереди, указывая папе дорогу.

— Папа, мы с дедушкой Чжаном обычно здесь встречаемся.

— Ты даже знаешь слово «встречаемся»?

— Это дедушка Чжан так сказал. Он ещё сказал, что плохо слышит, и чтобы мы не кричали громко. А то другие узнают, что у нас есть вкусная еда.

— Хорошо.

Их дом был трёхэтажным, а дом дедушки Чжана — одноэтажным.

Окна их домов как раз выходили друг на друга.

Отец и сын подошли к окну. Линь Цзао, держа миску обеими руками, осторожно просунул её сквозь решётку.

Он вытянул руки и аккуратно поставил миску на подоконник напротив.

— Готово.

Линь Цзао с облегчением вздохнул и тихонько постучал в стекло, чтобы подать знак.

Но дедушка Чжан, видимо, не услышал, в доме было тихо.

Линь Цзао и Линь Сяобао не решались уходить. Они подождали ещё немного, и, увидев, что в доме зажёгся свет, успокоились.

— Папа, дедушка Чжан идёт.

— Тогда пойдём. Папа ещё простужен, не будем с ним разговаривать.

— Хорошо.

Отец и сын закрыли окно и повернулись, чтобы идти вверх.

Они дошли до лестницы и, обернувшись, увидели седовласого, высокого и худого старика в тёмно-синей ватной куртке. Опираясь на трость, он медленно ковылял к окну.

Их взгляды встретились.

Они увидели его.

И он увидел их.

Через стекло дедушка Чжан помахал им рукой.

Линь Сяобао встал на цыпочки и высоко поднял ручку.

Линь Цзао тоже поднял руку и слегка помахал в ответ.

— Добрый вечер, дедушка Чжан!

В такое время это и было приветствием.

После ужина и быстрой уборки Линь Цзао уложил Линь Сяобао в кровать.

Отец и сын лежали рядом, сложив руки на груди.

Совершенно одинаковые умиротворённые позы.

— Папа, можно посмотреть телевизор? — спросил Линь Сяобао. — Я хочу посмотреть запись вашей с большим папой свадьбы.

— Сегодня нельзя, — объяснил Линь Цзао. — Мы днём уже долго смотрели, глазам нужно отдохнуть.

— Ну ладно.

— Через несколько дней, когда папа разберётся со всеми делами, мы поиграем. Хочешь собирать пазлы или играть в машинки?

— Я хочу играть в «Растения против зомби».

— Хорошо. Через несколько дней папа включит компьютер, посмотрим, работает ли игра.

Отец и сын так и болтали, ни о чём и обо всём.

Постепенно голос Линь Сяобао становился всё тише и, наконец, совсем затих.

Он уснул.

Линь Цзао погладил его по голове и поправил одеяло.

Взрослый и рассудительный Сяобао: нужно заботиться о больном папе, успокаивать потерявшего рассудок большого папу, да ещё и поддерживать связь с дедушкой Чжаном, прося его о помощи.

Наверное, он очень устал, бегая туда-сюда.

Через маску Линь Цзао наклонился и нежно поцеловал его в лоб.

Ещё один мирный день прошёл.

Спокойной ночи, Сяобао.

Спокойной ночи, Чэн-гэ.

Спокойной ночи...

Какой там спокойной ночи!

В двенадцать часов ночи Линь Цзао лежал в кровати с широко открытыми глазами и смотрел в потолок.

Вчера он слишком долго спал, и теперь ему совсем не хотелось спать.

Он чувствовал себя бодрым и полным сил.

Линь Цзао перевернулся на другой бок, взял с тумбочки наушники и надел их.

Днём он снова поставил их на зарядку.

Он нажал кнопку, и раздался громкий голос Фу Чэна:

— «У брата есть жена, и она его очень любит!»

У Фу Чэна был грубый голос, и пел он немного фальшиво.

Он не любил петь, так было с самого детства.

Линь Цзао знал его больше двадцати лет и, кроме «С днём рождения тебя», слышал, как он поёт только эту песню.

Линь Цзао высунул руки из-под одеяла, подложил их под голову и, подняв ноги, стал ими покачивать.

На повторе песня звучала неплохо.

Линь Цзао слушал музыку, смотрел в потолок и спокойно размышлял.

Капуста всё ещё сушится на улице, завтра, наверное, можно будет убирать.

Нужно постирать одежду. И придумать, как заставить Чэн-гэ переодеться.

«Дневник кормления мужа-зомби» ещё не написан, завтра нужно сделать запись, а то он всё забудет.

И ещё...

В этот момент яркий луч света скользнул по шторам спальни и блеснул перед глазами Линь Цзао.

В спальне Линь Цзао мгновенно откинул одеяло и вскочил с кровати.

В кладовке Фу Чэн тоже что-то почувствовал и резко поднялся.

— Кто?

— Кто светит фонариком в окна их дома?!

<http://bllate.org/book/16977/1584614>